

ИЗ ПОЗДНЕЙ ПУШКИНСКОЙ ПЛЕЯДЫ. ВОСПОМИНАНИЯ О ДАВИДЕ САМОЙЛОВЕ

«Тебя мне память возвратила...». Книга воспоминаний о Давиде Самойлове / Сост. Александр Давыдов и Геннадий Евграфов. М.: Центр книги Рудомино, 2023.

Давид Самойлов умер 23 февраля 1990 года в Таллине, где он вел вечер в честь 100-летия Пастернака. Умер в 70 лет, как и Борис Леонидович, — «возраст смертный», по слову Галича. Александр Городницкий, один из авторов книги, о которой пишу, в стихах сравнил смерть Самойлова со смертью Сирано, Гамлета, Мольера... Если первые двое — персонажи литературные, то Мольер — реальный человек, актер и комедиограф, ушедший из жизни во время спектакля по своей пьесе.

Другой мемуарист, Семен Лунгин, написал, что Самойлов умер как праведник. И действительно, он ушел легко, придя на минуту в сознание, сказал: «Ребята, не волнуйтесь, все в порядке!»¹ Прошло 33 года. И вот я читаю книгу воспоминаний, написанных по большей части ныне живущими друзьями и близкими поэта, теми, кто в разные периоды жизни Давида Самойлова (литературный псевдоним Давида Самуиловича Кауфмана) был рядом с ним. Всего 23 автора. Вот некоторые из них: артисты Михаил Козаков и Вениамин Смехов, поэты Евгений Евтушенко, Тамара Жирмунская, Олег Хлебников и Игорь Губерман, поэты-барды Александр Городницкий и Анатолий Ким, а также критики, писатели, друзья детства, юности и зрелости... Составили этот прекрасно оформленный сборник, снабженный сведениями обо всех авторах, а также комментариями и отсылками к текстам, сын Самойлова от первого брака Александр Давыдов со своим одноклассником и другом Геннадием Евграфовым, бывшим одно время секретарем поэта. Воспоминания обоих составителей также входят в книгу. Предисловие к сборнику написал известный критик Андрей Немзер.

Читала эти тексты один за другим, ничего не пропуская, все 23. Хотелось услышать «разные голоса» и, возможно, разные оценки, сравнить с тем образом поэта, который сложился у меня за годы знакомства с его стихами и поэмами. И что же? В общем при всей «разности» и непохожести мемуаристов, при всех выделяемых каждым особенностях, чертах и черточках личности Давида Самойлова, образ сложился цельный и гармоничный. Почти у всех встречались слова о «солнечности», «жизнерадостности», о нескончаемом юморе и «смеющихся глазах», об искрящейся легкости стиха, как обозначил его поэтический почерк Евгений Евтушенко. В воспоминаниях Евтушенко встретилось и такое: «Он единственный написал о Пушкине так, будто тот был его всегдашним собутыльником». «Пушкинские корни» поэзии Давида Самойлова, его приверженность пушкинской теме отмечают многие. Еще один аспект этой «схожести» с Пушкиным встретился мне в мемуаре сына поэта Александра Давыдова: «...отно-

¹ Эти слова приводятся в воспоминаниях Александра Городницкого, у Лидии Либединой немного другие, но с тем же смыслом: «Все хорошо, ребята, все хорошо».

шения к женщинам и с женщинами — основы отцовской жизни». Легкость и солнечность, гармония и юмор — и все это при том, что поэт, «маменькин сынок»², ифлиец, добровольцем пошел на фронт, был рядовым, потом служил в разведке, перенес тяжелое ранение, полгода провел в госпиталях, закончил войну в Берлине, одним словом, прошел, как написал Михаил Козаков, «через 9 кругов ада»...

Не будем забывать, что и в дальнейшем жизнь Давида Самойлова не была усыпана розами. И однако, он оставался «пушкинианцем», любил шутки и розыгрыши...

Как совместить одно с другим?

Пока оставим этот вопрос без ответа.

Но подходы наметим. Да, фронт, да, ад, но вот в январе 1944 года сержант Самойлов после ранения оказывается в Горьком на переформировании. Случайно на улице он видит молодую девушку, узнает ее имя и адрес — и пишет письмо. Девушка это письмо сохранила. В нем была просьба ответить, «чтобы поддержать мою веру в чудеса». А еще там были стихи. Обстоятельства, а может, девичья застенчивость ответить помешали. И только через 40 лет Эра Суслова, бывшая студентка горьковского театрального училища, ставшая народной артисткой, сумела «вычислить» автора письма и пригласила его на свой юбилей. Как хорошо, что я не пропустила этих воспоминаний в самом конце книги. В них отразилась одна из важных составляющих жизни Давида Самойлова — неистребимая «вера в чудеса». Наперекор и в отрицание тому, что происходило вокруг. Из наблюдений сына: «...он соорудил в середине души хрустальный дворец». И еще из тех же воспоминаний: «Музыка спасала отца от конечного отчаяния».

Отчаяние при этом было рядом, им была пропитана жизнь. О нем говорится у многих авторов сборника. Вот в воспоминаниях Вадима Баевского: «глубокий невротик», «была попытка повеситься». У Семена Лунгина: «...уходит наше поколение, сильно побитое войной и всем тем ужасом, что захлестнул нас потом». У Константина Симица, мужа Дины Каминской, с которой Давид (Дэзик, как звали его друзья) был дружен с юности: «Внутренний душевный разлад после войны (выделено мной. — И. Ч.). Не было высшего оправдания тому, что творилось в стране».

Остановимся и попробуем наполнить эти характеристики времени «фактурой». Все же молодежь может не знать, что творилось в стране после войны. Начнем, однако, с войны. Да, освободительная война 1941–1945 годов, война за защиту родины против страшного и бесчеловечного агрессора, несла ощущение свободы, раскрепощения, победы добра над злом. Она, по слову Евтушенко, «вдруг придала смысл жизни, почти обесмысленной перед войной животным страхом черных воронок». Понятно, что речь идет о предвоенном сталинском терроре, репрессиях, которые могли коснуться каждого. Но война принесла бесчисленные утраты. Поколение Самойлова, родившееся в 1920-х, было прорежено больше других. И утраты были «трудны и невозвратны». Давид поименно называет своих сверстников-поэтов, друзей по поэтическим семинарам, polegших на той войне:

Я говорю про Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая.

Все пятеро — Павел Коган, Михаил Кульчицкий, Илья Лапшин, Борис Смоленский, Николай Майоров — были начинающими молодыми поэтами, все были талантливы и много обещали в будущем.

² Из воспоминаний Петра Горелика: «Слуцкий сказал Давиду в 1941 г.: „Таким, как ты, на войне делать нечего“».

Они шумели буйным лесом,
 В них были вера и доверье.
 А их повыбило железом,
 И леса нет — одни деревья.

(«Перебирая наши даты»)

И эта тяжкая ноша потерянных молодых жизней легла на плечи тех, кто выжил. После войны и эйфории, вызванной победой, атмосфера в стране стала сгущаться. Особенно остро это ощущала творческая интеллигенция, предельно остро — ее еврейская часть. В январе 1948 года тайно, по приказу Сталина был убит Соломон Михоэлс. Убийство было замаскировано — его пытались выдать за случайный дорожный инцидент, но было понятно, что Сталин и его подручные, как это ни парадоксально, следуют гитлеровской политике в отношении евреев. В 1948—1953 годах в СССР развернулась кампания против «безродных космополитов», как эвфемистически называли евреев, подвергавшихся преследованию. В ночь на 12 августа 1952-го были расстреляны 13 членов «Еврейского антифашистского комитета», чье «дело» тянулось с 1948 года. Иначе эту акцию называют «Ночь убитых поэтов», поскольку среди расстрелянных были корифеи идишской поэзии: Перец Маркиш, Давид Бергельсон, Ицък Фефер, Лев Квитко, Самуил Галкин, Давид Гофштейн... В 1952 году началась кампания против «врачей-вредителей», которыми чаще всего «оказывались» врачи-евреи. Только смерть Сталина 5 марта 1953 года остановила эту страшную круговерть. Если учесть происхождение Давида Самойлова, круг его друзей и знакомых, а еще то, что его отец был известным врачом-венерологом, происходившая в послевоенные годы и вплоть до смерти Сталина вакханалия не могла не затронуть поэта. Сразу после войны, судя по воспоминаниям Петра Горелика, Самойлов расстался с партийным билетом — порвал его и выбросил. Константин Симис считает, что, поначалу искавший оправдания сталинскому режиму, Давид Самойлов освободился от «душевной раздвоенности» «еще при жизни Сталина, задолго до кампании по его развенчанию».

В более поздние хрущевско-брежневские времена тоже хватало событий, которые поэт не мог принять, да и в атмосфере после быстро промелькнувшей и такой непоследовательной хрущевской «оттепели» снова стало не хватать кислорода. При этом даже и в период «оттепели» были «события в Венгрии» 1956 года, подавление народного бунта в Новочеркасске, «процесс исключения» из Союза писателей Бориса Пастернака... А чего стоит всеми ныне признаваемый «государственный антисемитизм» в годы брежневского застоя?!

Поэт подписывал письма в поддержку диссидентов Синявского и Даниэля, против ввода советских войск в Чехословакию в 1968-м, общался с Сахаровым, переписывался с Лидией Чуковской, любимейшим его учеником по переводческому семинару, который он вел вместе с Верой Звягинцевой и Марией Петровых, был Анатолий Якобсон, поэт, учитель, диссидент и бунтарь, издававший запрещенную «Хронику текущих событий»...

Не будучи диссидентом, Давид Самуилович Самойлов всегда стремился быть на стороне добра и правды. Уезжать с родины не хотел, хотя несколько раз менял местожительство: сначала из столицы переместился в подмосковную Опалиху, в деревенский дом, затем в эстонский город Пярну-Пернов, «провинцию у моря», где так легко писалось о пушкинском прадеде Ганнибале, когда-то здесь служившем.

Возможно, кто-то сочтет этот кусок моей рецензии ненужным: к чему, мол, в разговоре о поэте говорить о политике, терроре, репрессиях, сталинском режиме, бреж-

невском застое... Но ей-богу, это все равно что писать о Пушкине, пропуская его отношения с царями и царской властью, декабристами и верными слугами монархии... И мне даже кажется, что, как и Пушкин в конце жизни, погибший в безнадежном бою с «каменным гостем», Самойлов искал и не находил способа спокойно существовать в окружавшем его мире. Даже в тихом Пярну не мог он укрыться от каменного истукана.

И то, что поэт был подвержен «русской болезни», иначе, запойно пил, пусть и не водку, а коньяк, о чем говорится в мемуарах, не было ли следствием и этой душевной раздвоенности, и этого тяжелого груза воспоминаний, и невозможности примирить свой поэтический мир, свой «хрустальный дворец» с пошлостью, ложью и мерзостью реальности, которые трудно было не замечать?

Книга пробудила мои воспоминания, заставила перечитать с юности любимые тексты. Сколько же я их переслушала в свое время, когда у нас сестрой был абонемент на тчетские концерты наряду с абонементом в консерваторию! Да и позже, в 1990-е и 2000-е — какое это было счастье, какое наслаждение слушать стихи Самойлова в исполнении Михаила Козакова, Сергея Юрского, Авангарда Леонтьева, Константина Райкина! Назову самые-самые, без которых не мыслю своей жизни: «Я маленький, горло в ангине...», конечно же, «Пестель, поэт и Анна», «Помню — папа еще молодой...» («Выезд»), «О, как я поздно понял...» («Давай поедem в город»), а поэмы... «Снегопад» и «Струфиана», «Сон о Ганнибале», «Старого Дон-Жуана» слушала в разных исполнениях многожды — и всегда хотелось, чтобы не кончалось.

Но я сильно отклонилась в сторону лирики — возвращаюсь к своей рецензии. Благодарна составителям, подарившим нам эту замечательную книгу! Верю, что у нее долгая жизнь, как и у поэтического наследия автора, которому она посвящена. «Нельзя беречься!» — один из заветов поэта. Он ему следовал, всегда предпочитая «жертвенный огонь» «медленному тленью»³. Наш век отворачивается от подобной альтернативы, ему как раз ближе «медленное тленье». Хочется верить, что юные, натолкнувшись на эти воспоминания или на стихи Давида Самойлова, будут вдохновлены его призывом. И в этом — залог каких-то новых прорывов и поисков нетривиальных, неосвоенных путей для человека и человечества.

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

³ Кто устоял в сей жизни трудной, / Тому трубы не страшен судной / Звук безнадежный и нагой, / Вся наша жизнь — самосожженье, / Но сладко медленное тленье, / И страшен жертвенный огонь... (Давид Самойлов. Стихи, посвященные Дине Каминской).